

УДК 908
ББК 63.5

ИСТОРИЯ И ЭТНОГРАФИЯ КАЛМЫКОВ В «КРАТКОМ ОПИСАНИИ КАЛМЫЦКАГО И ТРУХМЕНСКАГО НАРОДОВ» Я. К. ВАЦЕНКО

В. В. Батыров

Изучение истории и этнографии народов России в дореволюционный период во многом было связано с прагматичными целями государства по развитию более эффективного управления. Соответственно, в XIX в. первыми исследователями истории и этнографии калмыков стали, главным образом, российские военные и гражданские чиновники. В длинном ряду различных администраторов, служивших в Калмыцкой степи, необходимо назвать и имя Якова Кирилловича Ваценко — Главного пристава калмыцкого и туркменского народов, который внес свой вклад в дело изучения калмыков.

В Национальном архиве Республики Калмыкия хранится «Краткое описание Калмыцкаго и Трухменскаго народов» [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 161. Л. 11–24], составленное Главным приставом калмыцкого народа Я. К. Ваценко. В основу данного описания были положены материалы, собранные им во время его непродолжительной службы в Калмыцкой степи, которые содержат ценные сведения по истории и этнографии калмыков и туркмен, причем в работе Я. К. Ваценко мы находим не только наблюдения, но и попытки объективного исследования названных народов.

Известно, что статский советник Я. К. Ваценко прибыл в Калмыкию в качестве Главного пристава калмыков и туркмен в 1814 г., после ухода со службы подполковника С. Л. Халчинского. Примечательным является тот факт, что на службу в калмыцкие степи прибыл представитель высшей номенклатуры Российской империи¹. К сожалению, нам не удалось обна-

ружить формулярный (послужной) список Я. К. Ваценко, поэтому основные вехи его жизни нам так и остались неизвестными. Однако, рассматривая данные из разных источников, мы можем указать дату его рождения. Так, в рапорте статского советника на имя генерала А. П. Ермолова от 20 февраля 1825 г. упоминалось: «Я в 60-летней своей жизни не претерпел столько, сколько здесь в течение семи месяцев» [Акты 1875: 303]. Таким образом, мы можем уточнить, что Я. К. Ваценко родился в 1765 г. Также известно, что при рождении автор «Описания» не принадлежал к дворянскому сословию, о чем говорит тот факт, что он был жалован дипломом на потомственное дворянское достоинство только после получения чина статского советника.

До своего появления в приволжских степях статский советник служил в Коллегии иностранных дел (КИД). КИД же и определила «Главным Приставом к Калмыцкому и Трухменскому народам» Я. К. Ваценко на место уходящего со службы подполковника С. Л. Халчинского «Во исполнение именного Высочайшего его Императорского Величества повеления, данного сей Коллегии за собственноручным его Величества подписанием в 4-й день декабря прошлаго 1814 года» [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 128. Л. 7]. Сам Я. К. Ваценко прибыл в Калмыкию много раньше, по указу № 4086 Коллегии иностранных дел от 27 октября 1814 г. Штатное жалование ему было определено в размере 2000 рублей [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 148. Л. 9]. Учитывая его возраст, надо сказать, что, несмотря на высокое жалование, служба его была довольно тяжела — ведь все лето он должен был кочевать вместе с Судом Зарго по калмыцким улусам [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 161. Л. 206–140б.; 25–26].

¹ Статский (гражданский) советник находился в «Табели о рангах» на 5-м месте и мог занимать должности вице-губернатора, вице-директора департамента и председателя казённой палаты.

17 января 1815 г., почти сразу по приезде его в Калмыцкую степь, он получил указ № 94 Коллегии иностранных дел, где в числе прочего ему вменялось в обязанность составить и прислать «обстоятельное сведение о всех калмыках и тухменцах вообще с показанием их улусов и Владельцев, и из какого числа Кибиток все оные состоят ныне, а равно сделать описанием сим народам» [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 128. Л. 113]. Однако приступить к работе по сбору «сведений о всех калмыках и тухменцах» Я. К. Ваценко в 1815 г. так и не смог. Об этом он с раздражением сообщал в своем рапорте от 8 декабря 1815 г.: «имею честь донести, что прибыв к исполнению настоящей должности нашел я штат сей состоящий по большей части из людей неспособных и худого поведения до такой степени, что нет возможности употребить их к какой либо должности, дела предместников моих разбросанные и самым крайнем беспорядке, многие из них разтеряны по причине что хранимы были безо всякого призрения в кульках и без всякой описи» [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 161. Л. 25–26]. На все безуспешные просьбы нового пристава к подполковнику С. Л. Халчинскому о своевременной сдаче дел он получал только многочисленные отговорки о том, что «оные приводятся в порядок и в скорости будут ... зданы». Только 31 августа 1815 г., находясь в служебной поездке «в Ордах» (т. е. в калмыцких улусах), титулярный советник Павлов, секретарь Главного пристава, письменным рапортом от 31 августа сообщил ему о том, что все дела «предместников моих приведенные в законный порядок приняты им во всей исправности». После получения этого известия Я. К. Ваценко сразу же разрешил выдать аттестат КИД подполковнику С. Л. Халчинскому о выходе в отставку. Можно только представить всю степень раздражения пристава по отношению к титулярному советнику Павлову, когда, вернувшись из поездки, он «нашел дела хотя с генеральною описью по годно связанные, но без всякого порядка», причем многие из них были неполными [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 161. Л. 26].

8 декабря 1815 г. Я. К. Ваценко составил рапорт, в котором сообщал, что, «найдя таковую неисправность и запущение в делах, кою нет возможности привести в законный порядок тем паче, что многие раз-

теряны, я долгом поставлю Государственной Коллегии Иностранных дел донести, что я за дела предместников моих отвечать никак не могу, а буду понуждать сего штата Секретаря Павлова привести их в возможный порядок, за которой он должен отвечать, тем паче что он в сей должности состоит с 1800 года» [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 161. Л. 26].

Сознавая все сложности, сопряженные с налаживанием работы на новом месте, КИД не тревожила пристава с составлением «Описания». Лишь 4 сентября 1816 г. на имя «Главного при калмыках и тухменцах» пристава Я. К. Ваценко прибыла «канцелярская цыдула» (фр. *письмо, послание*) из Коллегии иностранных дел, датированная 11 августа 1816 г., в которой ему вновь напоминалось, что, по указу КИД от 17 января 1815 г., ему предписывалось прислать «обстоятельное сведение о всех калмыках и тухменцах вообще с показанием их улусов и Владельцев, и из какого числа Кибиток все оные состоят ныне, а равно сделать описание сим народам». В записке указывалось на тот факт, что КИД до сих пор не получила описания, и настоятельно рекомендовалось представить сведения в непродолжительном времени [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 128. Л. 113].

Я. К. Ваценко, к тому времени уже вошедший в курс дел, за непродолжительное время составил описание калмыцкого и туркменского народов. Уже 20 сентября 1816 г. Ваценко отправил в КИД две ведомости калмыцкого и туркменского народов и краткую записку о «сих двух народах со всеми сведениями, кои я могу об оных приобрести». Свое оправдание столь длительной задержки описания он обосновывал «разстройством Дербетевского улуса», которое долго не получало своего разрешения [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 161. Л. 5].

В 1816 г. произошло событие, которое повлияло на дальнейшее пребывание Я. К. Ваценко в Калмыцких степях. 6 апреля 1816 г. вышел рескрипт Александра I о назначении генерала А. П. Ермолова командиром отдельного Грузинского корпуса и управляющим по гражданской части на Кавказе и в Астраханской губернии. Одновременно состоялось и назначение его главой чрезвычайного посольства в Иран для выполнения важной миссии — проведения скорейшего разграничения земель между Ираном и Россией, согласно

Гюлистанскому мирному договору 1813 г. 9 января 1817 г. Я. К. Ваценко подал рапорт гражданскому губернатору Степану Андрееву, в котором просил увольнения от занимаемой должности на двадцать восемь дней для поездки в Санкт-Петербург [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 148. Л. 9]. После его поездки в Петербург, где он встречался с новым управляющим КИД графом К. В. Нессельроде, Я. К. Ваценко стал задумываться уже о службе на новом месте — в Персии. 4 сентября 1817 г. он получил Указ КИД о том, что «во исполнение Высочайшего Имянного Указа Императорского Величества, данного сей Коллегии за собственноручной Его Императорского Величества подписанием, в 3 день минувшего июля месяца ... Главного Пристава при Калмыках и Трухменцах, Статского Советника Ваценка, повелеваем считать при делах оной Коллегии ..., а на место его определить Надворного Советника Смолина» [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 148. Л. 9].

За свою недолгую службу в качестве Главного пристава калмыцкого и туркменского народов Я. К. Ваценко подготовил «Краткое описание Калмыцкого и Трухменского народов», которое, несмотря на его описательный характер, является ценным собранием материалов по истории и этнографии калмыков и туркмен.

Само описание калмыцкого народа было составлено в довольно свободном стиле. Первое, на что обратил внимание Главный пристав, это численность калмыцкого народа — 14 288 кибиток (семей). Касаясь такой сложной проблемы, как численность калмыков в конце XVIII — начале XIX вв., Я. К. Ваценко упоминал, что указанную численность калмыцкого народа он определил, исходя из списков, представленных улусовладельцами, которые были собраны еще его предшественником, подполковником С. Л. Халчинским. Сам пристав затруднялся дать точное число калмыцкого населения, ибо «калмыки будучи разсеяны зимою и летом на довольно пространной Дикой Степи, изчислить или примерно положить их число невозможно». Ко всему прочему, Я. К. Ваценко ссылался на существование некоего указа КИД, который прямо запрещал проводить перепись калмыцкого населения. Однако уточнить год и номер указа КИД он не мог [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 161. Л. 11]. Тем не менее, в процессе составления «Описания» пристав постоянно требовал со всех

улусов ревизские сказки². И здесь деятельность пристава по переписи калмыцкого населения, несомненно, завершилась бы успехом, если бы не непреодолимое препятствие в виде разразившейся междоусобицы в Дербетском улусе, из-за которой и сам владелец улуса, Эрдени-тайши Тундуртов не знал точного количества кибиток в принадлежащем ему улусе.

Чрезвычайно интересным является тот факт, что, даже не определив точной численности калмыцкого народа, Я. К. Ваценко, в отличие от своих предшественников и других чиновников, высказал предположение о том, что на самом деле число калмыцких кибиток «простирается до 30 тыс. если не больше». Свое предположение он основывал на тщательном изучении документов своих предшественников. Так, если в прежних ревизских сказках аймаки состояли из 20–30 кибиток, то при судебных тяжбах нередко выяснялось, писал Я. К. Ваценко, что указанные аймаки насчитывали 100 и более кибиток [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 161. Л. 12]. Это во многом коррелирует с тем фактом, что заявленная им численность калмыцкого народа никак не менялась в течение 15 лет — так, еще первый пристав калмыцкого народа Н. И. Страхов указывал примерно такое же официальное число калмыцких кибиток (семей) — 14 193 [Страхов 1810: 17].

Я. К. Ваценко особо отмечал, что при вступлении в должность, следуя инструкции КИД, он предложил Суду Зарго «зделать наряд 500 человек на кордонную стражу против Киргиз-Кайсаков»³. Этим он немало озадачил членов Суда Зарго, которые вообще не имели об этой страже никаких сведений: как оказалось, все предшественники Я. К. Ваценко сами занимались нарядом кордонной стражи, не обращаясь в Суд Зарго [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 161. Л. 11об.]. Обращение же к самим владельцам вызвало с их стороны ряд писем, в которых они жаловались на непомерный в сравнении с другими улусами наряд. Желание же Суда Зарго разложить наряд по точному числу кибиток каждого улуса опять-таки натолкнулось на препятствие в виде междоусобиц в Дер-

² Ревизские сказки — поименные списки населения, в которых указывались имя, отчество и фамилия владельца двора, его возраст, имя и отчество членов семьи с указанием возраста, отношение к главе семьи.

³ Киргиз-кайсаки — устаревшее название казахов.

бетском улусе, из-за чего ревизские сказки были неполными.

При описании сложившейся ситуации в Дербетском улусе, который оказался «разстроен», Я. К. Ваценко возлагал всю вину на вдову Бакбут, которая, «подмывая» большое число кибиток, несколько лет назад откочевала за р. Зегерлик в донские пределы, «кои не только не повинуются Владельцу Эрдени Тайши Тундутову, своим Зайсангам, кои находятся при сем Владельце, но равно и местного начальства не признают, и посылаемым к ним для убеждения к законному повиновению, выгнали побоями» [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 161. Л. 11об.-12].

Большое внимание Я. К. Ваценко уделил описанию кочевий и скотоводства калмыцкого народа. Так, он писал, что «можно полагать наверно, что они (калмыки) имеют разного скота до двух миллионов поголовья». Одним из первых Главный пристав отметил наиболее насущную проблему калмыцкого народа в XIX – начале XX вв. — сокращение пастбищных территорий в результате их захвата оседлыми народами. В приведённом им примере часть калмыцкой земли была «присвоена без малейшего права помещиком Надворным Советником Ребровым, а остальная часть заселена поселянами Кавказской губернии, составляющими отменныя селения». Рассматривая будущее калмыцкого народа, когда территория кочевий неуклонно сокращалась в результате крестьянской и помещичьей колонизаций, пристав впервые обратил внимание на то, что этот факт обуславливал последующие кризисные явления в кочевом хозяйстве у калмыков. Например, разбирая ситуацию с захватом калмыцких земель, Я. К. Ваценко писал, что если калмыки не были бы «столь притесняемы со всех сторон, и есть ли б они имели достаточный водопой, то могли бы иметь вдвое скота» [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 161. Л. 12].

Описывая ситуацию с кризисом кочевьего хозяйства у калмыков, пристав отметил, что они «не занимаются хлебопашеством, или чем другим, кроме скотоводства». Однако тут же указал на появление новых тенденций в хозяйственно-бытовом укладе степняков и уточнил, что «Торгоутовские и Хошоутовские Калмыки обнищали от падежа скота, разврата, и разоренные не предвидимыми случаями, как то: отнятием и отгонами скота, и находясь по близости Астрахани, нанимаются на Рыбные промыс-

лы по Каспийскому морю, и по реке Волге, на ломку соли и в табунщики к Россиянам, Армянам и Татарам». В свою очередь, писал он, «Дербетовские такого же рода Калмыки, кочующие к Кавказской Губернии и Донским пределам, нанимаются у поселян пахать землю, жать хлеб и косить сено; чем единственно и пропитываются». Завершая свое описание калмыцких земель, Я. К. Ваценко упоминал, что для перевода калмыков к оседлой жизни «если Правительству угодно будет *заняться* сим народом, то весьма дешево и легко можно было поселить их по реке Куме на Зегерлик, и по Сарпе к Царицыну; ибо при сих только реках земля способна к хлебопашеству, остальная же состоит из глины и песку» [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 161. Л. 12об.-14об.].

Я. К. Ваценко представил и краткий обзор социальной структуры калмыков. Владельцы, писал он, «управляют своими улусами, состоящими до 300 кибиток, и из собственных крестьян, абганерами называемых, на правах помещичьих». При этом он особо отмечал, что если первые две категории податного сословия, албату и шебенеры, зависят от «Зайсангов и Хурулов (монастырей)», то абганеры непосредственно подчиняются улусовладельцам. Он также заметил, что за «важные преступления» владельцы имеют право отнимать аймаки у зайсангов и передавать их родственникам, а за неимением их — «посторонним достойным людям, по их усмотрению». Однако продавать аймаки улусовладельцы не имеют права [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 161. Л. 14об.].

Рассматривая налоги и повинности податных сословий у калмыков, Я. К. Ваценко обратил внимание на их неопределенное состояние и связанные с этим произвол и самоуправство калмыцкой знати при сборе податей. Так, он писал, что «Владельцы и Казенные улусы делают раскладку ежегодно на подвластных своих, некоторым разорительным образом». Разорительность объяснялась тем, что улусовладельцы на собственные расходы нередко занимали у донских помещиков и у купцов из волжских городов большие суммы, под неслыханно большие проценты — от 30 % до 60 %, и даже до 100 %. «И по сей единственно причине, — писал Я. К. Ваценко, — налоги бывают часто тягостны». Помимо самих нойонов, зайсанги, писал пристав, «коим положено брать с аймажных своих не более двух

рублей, берут более, и сверх того некоторое количество разного скота для доения и на зарез» [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 161. Л. 15].

«Описание» Я. К. Ваценко содержит ряд ценных идей и наблюдений в связи с религиозными представлениями калмыков, которые уточняют и дополняют свидетельства других современников. Так, описывая буддийские верования калмыков, сам Я. К. Ваценко называл их идолопоклонниками, уточняя: «... по словам их (т. е. калмыков), множество бурханов, кои все составляют одного Бурхана (Бога). По словам их, они имеют их по разным предметам там, как то было в древние времена у Греков и Римлян». При описании калмыцких «бурханов», которых ставят «на столах, покрытых материями или коврами», пристав обращал внимание на особенности ритуального угощения «дееджи», когда в качестве подношения перед ними ставилось несколько серебряных «стаканчиков», в один из которых насыпаются разные семена, а в «другие, при питии Калмыцкого чая или чигана (кислое молоко) наливают онаго для Бурханов; а при обеде и ужине ставят перед ними чашку с вареною бараниною» [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 161. Л. 15об.].

С особым интересом пристав описывает обряд буддийского богослужения. Автор пишет, что оно состояло в следующем: «по утрам по всем хурулам Гецуль (Дьякон) сзывает на молитву трубою, куда собираются Гелюнги, кои обошед несколько раз Калмыцкую кибитку. В коей поставлены Бурханы, входят в оную, поют молитвы, а при том играют на разных инструментах, как то: на трубах предлинных, литаврах, рогах из больших раковин, и тому подобных инструментах». Затем, писал Я. К. Ваценко, буддийские священнослужители в той же кибитке «пьют там чай, курят трубки и обедают». Отдельно автор отмечает, что миряне никогда не заходят в хурульную кибитку для молитвы, «но обходят ее несколько раз в круг, и всякий раз падают на землю перед дверьми, а потом целуют войлок оной» [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 161. Л. 16].

Продолжая описание религиозных обрядов у калмыков, Я. К. Ваценко сообщал свои личные наблюдения: «калмыки, сколько я заметил, народ суеверный; они предоставляют Гелюнам молитвы за них, а в замену того делают подаяние в хурул или деньгами, или скотом». Особо пристав указывал на большое количество людей «духовного

звания» по отношению к остальному населению. Пристав отмечает также, что на калмыцких праздничных мероприятиях почти половину из приехавших к хурулам на богослужение составляют сами священнослужители (гелюнги, гецули и манджики). В этот день, писал Я. К. Ваценко, «гелюнги сидя поют молитвы часа два», а миряне совершают обход «в круге выставленного, на двух столбах нарисованного Бурхана, как Мадреген, Зункубай и проч». Обстоятельное освещение получили пищевые ограничения во время поста, который, как писал пристав, бывает у калмыков три дня в месяц, «коих в году бывает: три года сряду по 12-ть, а в четвертый 13 лунных месяцев, то есть 8-го, 15-го и 30 числа». Пост заключался в том, что в эти дни было запрещено резать скот [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 161. Л. 16об.].

В «Описании» представлены зарисовки традиционного быта и материальной культуры кочевого народа. Так, пристав писал, что «жизнь Калмыков вообще умеренная. По утрам редко кто из них не пьет Калмыцкого чая ... Около полудня едят варенную баранину, а потом пьют бульен под названием шулюна. В вечеру же повторяется таковая же пища; ибо другой они не знают и не любят». Предельно рациональный образ жизни кочевника, обусловленный нехваткой природных ресурсов, вызывал недоумение у Я. К. Ваценко, который в этом видел только невежество и «дикость». Интересен и тот факт, что, позитивно воспринимая «умеренность» калмыцкого образа жизни в питании, автор негативно воспринимал все многие производные кочевой жизни. Так, он отмечает, что «народ сей неопрятен и нечист до крайности», а нехватку водных ресурсов он трактует как суеверие: «они считают за грех мыть котлы или другую посуду, коей имеют весьма мало, а потому в одном котле варят чай, потом мясо, потом рыбу, а после опять чай». Описывая одежду калмыков, автор отмечал ее простоту: «летом белая бумазая самая простая, составляет вообще их одежду». Любопытно, что, упоминая повседневные мужские калмыцкие головные уборы — овчинные шапки, пристав замечал, что верх у них обычно из желтого сукна (а не красного, как обычно считается) [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 161. Л. 17–18].

Рассматривая образ жизни кочевого народа, Я. К. Ваценко никак не мог пройти мимо описания верховой езды. Он отме-

тил, что «всякого возраста, даже малолетние, ездят верхом ... можно сказать, что они рождаются на лошадях». Особое удивление у пристава вызывал тот факт, что женщины могли уже на другой день после родов ездить верхом. Характеризуя же в целом менталитет калмыков, автор приходит к выводу о том, что «калмыцкий народ вообще горяч, но не мстителен и добродушен». А судебные тяжбы, писал пристав, заканчиваются обычно тем, что они мирятся «по общему согласию, что весьма замечательно» [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 161. Л. 19–19об.].

Сильно разоряли калмыцкий народ, по мнению пристава, «болезни и похороны». Это было вызвано тем, что «при сих случаях Гелюнги, кои также единственные их лекари, настоятельно требуют деньги и скот для Бурхана». Единственное, что находил странным пристав, это то, что и сами буддийские священнослужители нередко разорялись при таком лечении. Пристав описывает в своей работе и обряды, проводимые у постели больных, которые находились при смерти. Так, калмыцкие врачеватели для удержания «души» умирающего «возле больного день и ночь поют молитвы и играют на инструментах». Рассказывая об этом, автор иронически констатирует: «кто богаче, тот более таковым лечением бывает мучим» [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 161. Л. 19].

Описывая семейную жизнь у калмыков, пристав сообщал, что «супружество их (т. е. калмыков) непрочно: как только муж осердится на жену, прогоняет ее, а потом берет другую», что не совсем верно отражает действительность. Также пристав Я. К. Ваценко подметил широкое распространение фиктивного похищения невесты в начале XIX в. Он связывал это с тем, что «при всяком бракосочетании встречаются однако большие затруднения. Гелюнги должны сообразить день рождения обоих, и назначить день брака, коих очень редко в году бывает, а потому пользуются они воровским бракосочетанием, которое в большом употреблении между ими». Пристав пояснял: «воровское бракосочетание» заключается в том, что «жених получа согласие отца невесты, посылает одно или два корыта вареного мяса, баранины, говядины или лошади, и несколько простого вина; потом приезжает с несколькими провожатыми к невесте, и посидя у нее малое время уезжает; а невеста

спустя несколько времени, едет верхом же с провожатыми к мужу – чем и кончится» [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 188. Л. 19–19об.].

Завершает пристав свои заметки описанием похоронного обряда у калмыков. По его словам, «знатных и богатых сожигают, посредственных погребают, а бедных – оставляют на поверхности земли на съедение волкам, собакам и хищным птицам». При этом способ похорон зависел от дня рождения и смерти покойного [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 161. Л. 20].

Характерно, что лишь последний и весьма небольшой по объему раздел автор посвятил краткому описанию туркменского народа.

С сочувствием описывая калмыцкий народ, Я. К. Ваценко считал его находящимся в весьма бедственном положении. Последующее изучение «Описания» калмыцкого народа сотрудниками КИД привело к тому, что 4 декабря 1816 г. Астраханский гражданский губернатор Степан Семенович Андриевский получил письмо из Коллегии Иностранных дел. В нем сообщалось, что, как стало известно из полученного описания, «в Дербетевском улусе продолжают разстройства, произведенные вдовою Бакбут; что калмыки стеснены по недостатку удобных мест для скотоводства; что они нуждаются даже в водопое по причине присвоения большей части степи Надворным Советником Ребровым и заселением остальной части поселянами Кавказской губернии. Не меньшим притеснением можно почесть отгоны Калмыцкого скота Донскими казаками, и захваты онаго делаемые поселянами Саратовской, Астраханской и Кавказской Губерний, так же содержание калмыков в тюрьмах для вынуждения денег, где они от стесненного воздуха весьма часто умирают». «О таковом бедственном положении сего народа, Коллегия долгом своим поставляет отнестись к вашему Превосходительству, и просить вас, войти в рассмотрение описываемых Г-м Ваценком обстоятельств; о разпоряжении же, какое благопризнаете учинить по сему предмету, ее уведомить» [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 161. Л. 3–3об.].

Таким образом, находясь на службе в Калмыцкой степи на протяжении всего четырех лет (1814–1817 гг.), опытный администратор Я. К. Ваценко показал себя и как кропотливый исследователь, который сумел выявить и систематизировать большой круг

источников, чем немало расширил границы изучения истории и этнографии калмыцкого народа. Несмотря на присущую всем краеведческим трудам первой половины XIX в. известную описательность, Я. К. Ваценко представил первый серьезный анализ социально-экономического положения калмыцкого народа. В труде добросовестного чи-

новника отразились нравы и быт калмыцкого народа, указаны места кочевок в начале XIX в., приведены важные статистические сведения о количестве кибиток, скота и многое другое. Ценность труда возрастает в связи с тем, что это описание принадлежит очевидцу и участнику событий.

Источники

Национальный архив Республики Калмыкия (НА РК). Ф. 1. Оп. 1. Д. 128, 148, 161.

Литература

Акты, собранные Кавказскою Археографическою комиссиею. Т. VI. Ч. II. Тифлис: Тип.

Глав. Управления Наместника Кавказского, 1875. 544 с.

Страхов Н. И. Нынешнее состояние калмыцкого народа, с присовокуплением калмыцких законов и судопроизводства, десяти правил их веры, молитвы, нравоучительной повести, сказки, пословиц и песни Савардин. СПб.: Тип. Шнора, 1810. 97 с.

Sources

[The National Archives of the Republic of Kalmykia]. Fund 1. Case 128, 148, 161. (In Russ.)

References

[The Acts Collected by the Caucasian Archaeographic Commission]. Vol. VI. Part II. Tiflis: Print. shop of the Head Office of the

Governor General of the Caucasus, 1875. 544 p. (In Russ.)

Strakhov N. I. [The Current State of the Kalmyk People, with the Addition of Kalmyk Laws and Legal Proceedings, Ten Rules of their Faith, Prayer, Moral Novel, Fairy Tales, Proverbs and Songs of Savardin]. St. Petersburg: Print. shop of Shnor, 1810. 97 p. (In Russ.)